

Александр Сапожников Иноверцы и иноземцы в России (Их права и отношения к коренным жителям) СПб., 1898

I Библейские постановления об иностранных поселенцах

Одним из важнейших русских государственных вопросов нашего времени является вопрос об иностранных, главным образом, о немецких колонистах.

Вопрос этот весьма тщательно разбирался и разбирается в нашей повременной печати **1**. Данных собрано много. Относительно немецких колонистов в достаточной мере выяснены, с одной стороны, их совершенная бесполезность для культурного развития России и, с другой стороны, их вред для духовной и экономической жизни коренного населения. Разные писатели предлагают те или другие меры для решения этого вопроса.

Чтобы найти истинное **2** решение, мы рассмотрим этот вопрос с Библейской точки зрения и полученные выводы поясним историческими примерами и наиболее выдающимися фактами из современного положения колоний.

В Священном Писании вопрос об иностранных поселенцах, о «пришельцах», рассматривается самым всесторонним образом, очевидно вследствие огромной важности его для народной и государственной жизни.

Пришельцами являются обыкновенно люди, обездоленные на родине, нуждающиеся поэтому в особенной поддержке; и Бог ставит их под Свое особенное покровительство, наравне с бедняками, сиротами и вдовами; чтобы сильнее подействовать на сердце израильтян, Бог напоминает им, что они сами были пришельцами в чужой земле.

«Пришельца не обижай, и не притесняй его: вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами в земле египетской» (Исх. XXIII, 9; XXIII, 21; Лев. XIX, 33; Иер. XXII, 3; Зах. VII, 10).

«Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего, когда жнешь, и оставшегося от жатвы твоей не подбирай, бедному и пришельцу оставь это. Я Господь, Бог ваш» (Лев. XXIII, 22; Втор. XXIV, 19).

То же предписывается делать при сборе маслин и винограда (Втор. XXIV, 20–22; Лев. XIX, 10).

«Не суди превратно пришельца, сироту и вдову... Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову!» (Втор. XXIV, 17; XXVII, 19).

Наравне с сиротами и вдовами пришельцы приравниваются даже к левитам. Все десятины произведений земли в третий год повелевается давать «левиту, пришельцу, сироте и вдове, чтобы они ели в жилищах твоих и насыщались, дабы благословил тебя Господь, Бог твой, во всяком деле рук твоих, которое ты будешь делать» (Втор. XXVI, 12; XIV, 28, 29).

Кроме причин материальных, голода и вообще плохого положения на родине, другими причинами переселения являются симпатии к нравам и обычаям чужой страны, к ее религии; люди оставляют свое отечество и своих родных, чтобы прийти к Богу Израилеву и «успокоиться под Его крылами» (Руфь II, 11, 12). Поэтому Бог говорит, что Он любит пришельца, и повелевает коренным жителям любить его.

«Господь, Бог Ваш, есть Бог великий, который дает суд сироте и вдове, и любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду. Любите и вы пришельца» (Втор. X, 17–19).

В отношении прав гражданских и религиозных, словом — во всем пришельцы приравниваются к коренным жителям.

«И если будет между вами жить пришелец, или кто бы ни был среди вас в роды ваши, и принесет жертву в приятное благоухание Господу, то и он должен делать так, как вы делаете. Для вас, общество Господне, и для пришельца, живущего у вас, устав один, устав вечный в роды ваши; что вы, то и пришелец да будет пред Господом. Закон один и одни права да будут для вас и для пришельца, живущего у вас» (Числ. XV, 14–16).

«Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя» (Лев. XIX, 34).

«Если брат твой обеднеет и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришлец ли он или поселенец» (Лев. XXV, 35).

Неумышленные убийцы из пришельцев могли пользоваться правом убежища наравне с сынами израилевыми (Числ. XXV, 15).

«Судите справедливо как брата с братом, так и пришельца его» (Втор. I, 16).

Но, уравнивая пришельцев с коренными жителями относительно прав, Священное Писание уравнивает их и относительно обязанностей, гражданских и религиозных. Другими словами — пришельцы должны были принимать и исповедовать религию коренных жителей.

За нарушение законов устанавливается одинаковая ответственность для туземцев и для пришельцев. «Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть кто-нибудь кровь, то обращу лице Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ся» (Лев. XVII, 10, 15).

«А вы соблюдайте постановления Мои и законы Мои, и не делайте всех мерзостей, ни туземец, ни пришлец, живущий между вами» (Лев. XVIII, 25; XX, 2).

«Пришелец ли, туземец ли станет хулить имя Господне, предан будет смерти. Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти... Один суд должен быть у вас, как для пришельца, так и для туземца» (Лев. XXIV, 16–22; Числ. XV, 15. 29. 30; Исх. XX, 10).

В завете с Богом, чтобы ничье сердце не уклонилось от Господа Бога, чтобы никто не пошел служить богам ханаанских народов, вступают все израильтяне: дети, жены и пришельцы (Втор. XXIX, 1, 10, 11, 12, 18).

Все праздники, Пасху, Кушей и др., пришельцы должны совершать наравне с туземцами (Втор. XVI, 11–17; Числ. IX, 14).

В жертвоприношениях и очищениях пришельцы должны соблюдать те же постановления, что и сыны Израилевы (Лев. XVII; Числ. XV, 14–16).

Пришельцы, наравне с коренными жителями, должны слушать и учиться Закону Божию (Втор. XXXI, 12; Нав. VIII, 33–35).

Здесь мы изложили общие постановления Священного Писания о пришельцах; некоторые исключения из них в особых случаях будут изложены ниже, вместе с поясняющими примерами.

II Иностранные поселенцы

Применяя Библейские постановления к России, мы получим прямой вывод, что можно допускать переселение в Россию только православных людей или людей, соглашающихся принять Православие, и что для переселенцев не следует делать никаких изъятий из общих законов.

В настоящее время сильно распространено в обществе мнение о противоположности Ветхого и Нового Заветов. Говорят, что Ветхий Завет есть религия страха и казней, а Новый Завет — религия любви и милосердия. Такие мнения часто приходится слышать от вполне православных людей, недостаточно знакомых с Библией и богословием; полагают, что ветхозаветные постановления утратили свое значение с появлением Нового Завета. Ошибочность мнения о противоположности между Ветхим и Новым Заветами недавно весьма подробно выяснена архиепископом Амвросием (Ключаревым) в слове «о том, как должно смотреть на новое учение о христианстве, как религии любви» (Церковные ведомости. 1896. № 40). Отсутствие такой противоположности следовало бы предполагать уже a priori, потому что один и тот же Бог устанавливал и Ветхий, и Новый Заветы. «Бог не сын человеческий, чтобы ему изменяться» (Числ. XXIII, 19; Мал. III, 6; Титу I, 2). «У Отца светов нет изменения и ни тени перемены» (Иак. I, 17). Что ветхозаветная религия была также религией любви, это можно видеть и на вышеприведенных постановлениях о пришельцах.

Не менее ошибочно мнение о том, что ветхозаветные постановления утратили свое значение. Ошибочность этого мнения в достаточной мере доказывается многими ссылками Иисуса Христа, св. апостолов, отцов Церкви и современных православных иерархов на разные постановления Ветхого Завета.

Во II главе статьи «Историческое назначение России» (Странник. 1896. IX и X) мы приводили основания для применения библейских пророчеств, главным образом ветхозаветных, к событиям нашего времени. Те же тексты (Еккл. I, 9, 10; III, 15; 1 Кор. X, 11. 6–10, Римл. XV, 4; Гал. III, 29) и соображения дают нам право заключать, что и разные постановления Ветхого Завета, касающиеся государственных и общественных дел 3, имеют вечное значение и применимы ко всем временам. Эти постановления основаны на совершенном знании человеческого сердца, доступном только Духу Святому, говорившему через святых Божиих людей (2 Петра I, 21). Течение времени не изменяет человеческого сердца; как удостоверяет слово Божие, существенное содержание жизни остается неизменным при всех внешних переменах (Еккл. I, 9, 10); поэтому и Божественные постановления сохраняют значение на вечные времена. «Господь не нарушает Своих законов, — замечает митрополит Филарет. «Дела рук Его — истина и суд; все заповеди Его верны, тверды на веки и веки, основаны на истине и правоте» (Пс. CX, 7, 8). «Правда Твоя — правда вечная, и закон Твой — истина. Правда откровений Твоих вечна» (Псал. CXVIII, 142, 144).

Обращаясь к истории, мы поймем всю глубокую мудрость библейских постановлений о пришельцах; мы увидим, что исполнение их, также как и всяких других Божественных постановлений, всегда служило государствам ко благу, а нарушение неизменно приносило вред и нередко даже ставило государства на край гибели.

Мы увидим, с одной стороны, что единоверные пришельцы сравнительно скоро сливаются с коренным населением и, таким образом, непосредственно увеличивают силу государства. Переселившиеся в Россию в прошлом столетии греки, сербы и болгары большей частью уже давно обратились в русских: память об их переселении остались только названия городов, как Славинск, Славяносербск, название сословия «нежинские греки» и т.п. Точно так же протестантские беглецы из Франции при Людовике XIV очень скоро слились с протестантским коренным населением Пруссии, Голландии, Америки, Англии, Южной Африки.

Иноверные переселенцы, напротив, повсюду выказывают склонность держаться особняком, сохраняя свои верования, язык и обычаи, — словом, стремятся быть государством в государстве и во время войны часто присоединяются к врагам приютившей их страны. Для нас, русских, особенно поучительны примеры из истории Византийской империи. В конце IV столетия император Феодосий Великий поселил значительное количество готов-ариан во Фракии, Лидии и Фригии. «Император и его советники надеялись, что готы со временем примут римскую цивилизацию и сольются в один народ с прежним населением римских областей, или что они по крайней мере будут благодарны и верны империи. Это оказалось не так. Германцы и туземцы оставались разделены между собой взаимной ненавистью, и германцы сохраняли свои обычаи» (Вебер. IV, 600). При слабом сыне и преемнике Феодосия, Аркадии, готы возмутились и опустошили многие провинции империи. Высланный против

них военачальник Гайна, также гот-арианин, принял их сторону и на короткое время захватил даже в свои руки государственную власть в империи (Гиббон. III, 501–509).

Другой подобный опыт поселения иноверцев внутри государства относится к последним векам существования Восточной империи. Допущенная в Константинополь императором Михаилом Палеологом колония гетуэцев до самого падения империи, то есть в течение двух веков, сохраняла обособленность и, по выражению Гиббона (XII, 5), «оскорбляла величие Византийской империи». Перед самой осадой Константинополя Магометом гетуэцы заключили с турками отдельный договор и во время осады «держали себя очень двусмысленно и часто помогали днем грекам, а ночью туркам» (Шлоссер. III, 533).

Наши теперешние немецкие колонии представляют не иное явление — «нет ничего нового под солнцем» (Еккл. I, 9, 10): немецкие колонисты составляют государство в государстве. Все исследователи, официальные и частные, согласно свидетельствуют, что немецкие колонисты упорно сохраняют свои национальные особенности и, причисляя себя к высшей культурной расе, с презрением относятся к коренному русскому населению. Даже через несколько поколений оставаясь фанатически преданными сынами Германии, они совершенно не дорожат интересами страны, давшей им приют и благосостояние ⁴, к русским законам относятся с пренебрежением и стараются насколько можно уклоняться от их исполнения.

Г-н Велицын в результате своих исследований приходит к такому заключению:

«Немецкие колонии на Волге (то, что здесь говорится о приволжских колониях, вполне применимо ко всем другим) далеко не исполнили своего назначения.

Основанные с тем, чтобы принести пользу русскому населению и служить примером в земледелии и хозяйстве, они прожили более столетия, не соприкасаясь с жизнью русского народа. Правда, они богатели, но богатели только для себя и своих единоплеменников, и ничего не перепало русскому крестьянину от их немецкого благоденствия. Мало того, прожив в России сто двадцать пять лет, питаясь ее соками и процветая под ее охраной, они не только не сроднились с приютившей их страной, не только не научились любить ее и считать своей родиной, но чем дольше, тем все более сильно и резко начинают проявлять свое нерасположение ко всему русскому.

Вековая совместная жизнь, устраненная от всякого русского влияния, сплотила все полумиллионное население на Волге в одно органическое целое. Все это население, хотя темное и неразвитое, проникнуто одним духом, живет теми же идеями и убеждениями. И этот дух, эти идеи и убеждения носят печать национальной обособленности, вражды и нетерпимости к России и русскому народу.

Приволжские колонии, как мы уже говорили, стоят в живой и непрестанной связи с прибалтийскими провинциями.

С другой стороны, несомненно существует связь приволжских колоний с колониями южного края России, и если присоединить к этим трем немецким центрам длинную цепь немецких колоний, тянущуюся по всему Дону, и сплошное заселение немцами нашего Юго-Западного края и царства Польского, окажется, что вся центральная Россия охвачена сплошным немецким кольцом, одним из самых существенных звеньев которой являются немецкие колонии на Волге» (Русский вестник. 1893. IV, 183).

Не может быть сомнения, что в случае войны с Германией симпатии немецких пришельцев будут всецело на стороне последней и что при благоприятных обстоятельствах дело не ограничится одними симпатиями.

Отношение немецких колонистов к коренному русскому населению лучше всего характеризуется приводимой г-ном Велицыным выдержкой из подлинного прошения, подписанного 58 крестьянами и поданного по начальству:

«Немцы окружили нас со всех сторон, забрали наши сенокосы и пастбища, стеснили нас и всех жителей до крайности; скот наш не имеет выпаса, и мы сами, коренные жители, не имеем свободного проезда и прохода, ибо все старые дороги перегорожены немцами, а если кто проходит через их землю, то немцы бьют и убивают даже до смерти. Так они перебили массу скота (приведены цифры); а также убили одного нашего односельчанина (приведено имя), — кроме сего, почти ежедневно нападают на нас толпой и наносят личные обиды, калечат скот и угнетают и всячески разоряют нас. Что нам делать, где искать защиты и справедливости, мы уж не знаем» (Русский вестник. 1890. I, 165).

Крестьяне, которым уже давно не хватает надельной земли, находили себе заработки, арендуя земли у помещиков или нанимаясь к ним в работники. Но с земель, купленных и заарендованных немцами, русское население немедленно изгоняется; немцы не дают своих земель крестьянам ни на каких условиях; кроме того, пришлые немецкие рабочие в значительной степени заменяют русских рабочих. Вполне естественно поэтому, что русское коренное население, лишаясь возможности находить заработки у себя на родине и подвергаясь всяческим стеснениям и угнетениям со стороны немцев, вынуждено покидать родную землю. Вытесняемое пришельцами, оно бежит в Сибирь и даже в Америку. Крестьяне, остающиеся на родине, обращаются в немецких батраков, а немцы становятся господствующим классом.

Число немецких пришельцев и количество захваченной ими земли представляют грозные цифры. Всего в 26 губерниях Западной и Южной России и в двух приволжских губерниях немцев находится около 1 800 000, а количество захваченной ими земли доходит до девяти миллионов десятин, то есть превосходит губернии Московскую, Калужскую и Тульскую, вместе взятые. Кроме этих 28 губерний, немецкое землевладение существует и все увеличивается почти на всем пространстве России, и захватываемые ими земли принадлежат к числу самых лучших и ценных земель империи.

Во всех этих явлениях — в угнетении и стеснении коренного населения пришельцами, в экономической зависимости его от пришельцев, в бегстве его в Азию и Америку — трудно не видеть наступления предсказанных в древнее время Божьих наказаний за нарушение Его повелений: «Пришелец, который среди тебя, будет возвышаться над тобою выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже. Он будет главою, а ты будешь хвостом. Пошлет на тебя Господь народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши; и будет теснить тебя во всех жилищах твоих, по всей земле твоей. И извержены будете из земли» (Втор. XXVIII, 43–52, 63).

Таким образом, иноверные пришельцы, представляя собою врагов России и всего русского, разоряя и вытесняя коренное население, уменьшают непосредственную материальную силу государства.

Но как ни грозны приведенные нами цифры, материальная сторона дела, во всяком случае, имеет значение второстепенное. Россия справлялась и не с такими врагами. Гораздо важнее сторона духовная.

Как показывают отчеты г-на обер-прокурора Святейшего Синода и согласно говорят все исследователи колонии, немецкие колонисты совращают православных в штунду, баптизм и другие ереси.

Сила и крепость России зависят от верности ее народа Православию. Следовательно, немецкие колонисты, совращающие русских из Православия, подрывают главное основание могущества России.

Мы сказали главное основание, но вернее назвать Православие единственным основанием русского могущества, потому что из трех сил, вырастивших Россию — Православия, Самодержавия и Народности, — две последние имеют значение только при Православии и только от него получают свою силу.

В самом деле, русский царь есть помазанник Божий только для православных; для иноверцев он представитель и вождь ненавистной им силы. Отметим, что все покушения на цареубийство исходили или со стороны иноверцев, или со стороны лиц, отвергавших всякую религию. Слова Священного Писания: «не прикасайтесь к помазанныкам Моим» (Псал. CIV, 15) имеют значение только для

православных. В истории иудейского царства цареубийство встречается три раза; и в первом случае Библия отмечает (не без цели, конечно), что убийцами царя (Иоаса) были сын аммонитянки и сын моавитянки (2 Пар. XXIV, 26), то есть, вероятно, иноверные матери не внушили сыновьям идеи о неприкосновенности помазанников Божиих. Царя Амасию убили, судя по изложению, вельможи (4 Цар. XIV, 19), которые, по многочисленным свидетельствам пророков, никогда не отличались преданностью вере. Царя Амона убили его слуги — придворные. С большой вероятностью можно предположить, что эти слуги были иноверцы-иноплеменники, как потому, что «народ земли перебил всех, бывших в заговоре против царя Амона» (4 Цар. XXIV, 23, 24), так и потому, что с самых времен Саула и Давида при иерусалимском дворе всегда было много иноплеменников.

Карл I Английский был казнен Кромвелем, для которого он, в качестве иноверца, не был помазанником Божиим.

Точно так же и единая народность при разнородности не представляет прочной основы государства. Лучше всего это можем видеть на примере Германии после Реформации. Французские гугеноты при Людовике XIII входили в сношения с Англией. Не единство народности, а единство религии было причиной присоединения Малороссии к Московскому государству. В наше время разность религии делит единоплеменных сербов и хорватов на два враждебных лагеря. Пример нынешней Германии не может служить доказательством противного уже потому, что новая империя существует слишком недавно, и неизвестно, обнаружит ли она прочность при первой неудачной войне.

Таким образом, немецкие пришельцы, совращающие русских из Православия, колеблют разом все основы крепости России.

И действительно, симпатии штундистов всецело обращаются в сторону Германии; всяких благ они ожидают от подчинения немецкому царю; и по своей одежде, и по своему образу жизни стараются походить на немцев; учатся немецкому языку.

Следствия такого порядка вещей предсказаны Иисусом Христом: «если царство разделится само в себе, не может устоять царство то» (Марка III, 24). Слова Иисуса Христа, приводимые у других евангелистов, указывают на непосредственные следствия утраты гражданами единомыслия: «царство, разделившееся само в себе, опустеет» (Матф. XII, 25; Луки XI, 17). Немецкие колонисты вместе с сочувствующими им русскими сектантами, в надежде на свою многочисленность и на помощь со стороны германских немцев, могут произвести возмущение. Это возмущение и усмирение его могут сопровождаться опустошением страны подобно тому, как это было при возмущении готы в Византийской империи, — и, таким образом, значительные области могут опустеть.

В Библии находим также указание на возможность делать некоторые исключения из общих постановлений о пришельцах: «Не гнушайся идумеянином, ибо он брат твой; не гнушайся египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его; дети, которые у них родятся, в третьем поколении могут войти в общество Господне» (Втор. XXIII, 7, 8). Слова, относящиеся к идумеям, по-видимому, позволяют допускать переселенцев из близких по крови народностей даже без немедленного обращения их к истинной религии, вероятно, в предвидении, что они, благодаря племенной близости, захотят слиться с коренным населением и примут его религию. Для русских такими братьями по крови являются славяне. И мы видим на примере чехов, поселившихся в значительных количествах на Волыни и на Кавказе, что такие пришельцы не держатся особняком от русских, как это делают немцы, но вступают с ними в браки и охотно принимают Православие. О русских (галицких и угорских) и говорить нечего; принятие ими Православия и слияние с коренным русским населением происходит совершенно незаметно, подобно тому, как это происходило с израильскими переселенцами в Иудейское царство.

Такое же исключение, как для родственных племен, допускается для египтян, которым для русских соответствуют монголы, два века господствовавшие над Россией. И монголы, подобно чехам, постепенно переходят в Православие и через два—три поколения даже по типу перестают отличаться от русских.

С другой стороны, Священное Писание говорит, что не следует допускать в государство колонистов из враждебных народностей, даже при условии принятия ими истинной веры: «Аммонитянин и моавитянин не может войти в общество Господне, и десятое поколение их не может войти в общество Господне во веки». Это суровое повеление дается, «потому что они не встретили вас с хлебом и водою на пути, когда вы шли из Египта, и потому что они наняли против тебя Валаама, сына Веорова, чтобы проклясть тебя» (Втор. XXIII, 3, 4).

Такое постановление делается, вероятно, в предвидении, что колонисты из враждебных народностей не захотят слиться с коренным населением, но останутся государством в государстве, ослабят таким образом коренную народность и, следовательно, помешают выполнению данного ей от Бога назначения.

Для русских аммонитянам и моавитянам соответствуют немцы. В качества индоевропейцев славяно-германской группы они представляют в некоторой степени родственную народность; что же касается до славяно-германских отношений, то, кажется, нет на свете такой несправедливости и такой жестокости, какой не делали бы немцы против славян вообще и в частности против русских (в областях Пскова и Новгорода, в Галиции и Буковине). У немцев существует какая-то органическая вражда к славянам, проявлявшаяся еще в самом начале Средних веков. Интересную заметку относительно этого находим у Шлоссера. «Замечательно, что два германских народа, постоянно враждебные друг другу, саксы и франки, забывали свою вражду и соединялись вместе, когда приходилось сражаться против вендов» (II, 420).

Последние библейские постановления так же, как и предыдущие, вполне оправдываются историей. Немцы допущены в Чехию и Моравию, довели эти страны до порабощения и в настоящее время не хотят согласиться даже на равноправность чешского языка с немецким в коренных чешских землях. Точно так же немцы, допущенные в Польшу, очень скоро сделались самыми ожесточенными ее врагами и захватили большую часть ее поморья.

Следует заметить, что запрещения принимать в свою среду аммонитян и моавитян, а также сближаться с хананеями, допускали исключение для отдельных личностей, всей душой обращавшихся к истинному Богу. Такие личности заслуживали даже особенное благоволение и милость Божию. Хананеянки Фамарь и Раав, моавитянка Руфь удостоились сделаться проматерями Сына Божия. Принцесса Ангальт-Цербстская сделалась родоначальницей великих Императоров России.

Все вышеизложенное дает нам право сделать следующие выводы.

1. Иноверные переселенцы вообще не должны быть допускаемы в Россию.
2. Исключение из этого правила может быть делаемо для соплеменных русских славян и для монголов.
3. Правильным переселенцам и соглашающимся принять Православие вообще должен быть открыт свободный доступ в Россию.
4. Переселенцы из враждебных народностей (например, немцев) не должны быть допускаемы в Россию даже при условии обращения в Православие.
5. Отдельным личностям, принимающим Православие, должен быть открыт свободный доступ в Россию, без всякого различия национальностей.
6. Для переселенцев не должно делать никаких изъятий из общих законов.

Относительно того, что необходимо прекратить переселение в Россию немцев, армян и т.п., согласны почти все русские, не затуманившие своего ума атеистическими и космополитическими идеями. И с Библейской точки зрения, и с точки зрения здравого смысла этот вопрос не может иметь двух решений.

Гораздо труднее вопрос о том, что делать с водворившимися уже переселенцами, принявшими русское подданство. Для решения этого вопроса нам придется предварительно рассмотреть одно из величайших заблуждений нашего времени.

III Права иноверцев

Как говорит латинская пословица, людям свойственно ошибаться. Не менее того людям свойственно и увлекаться, увлекаться, между прочим, разными идеями, и в этом увлечении переходить всякие границы. Идея чистоты и единства веры привела римских католиков к инквизиции и к жестоким казням еретиков и евреев. Идеи свободы, равенства и братства привели к гильотине, к избиениям и утоплениям целыми массами. Такие увлечения умов бывают весьма продолжительны. Человечество, раз увлекшись какими-нибудь идеями, весьма долго склонно слепо верить им, с крайней неохотой допускает критическое к ним отношение и с большим трудом убеждается в их ложности. Такова сила привычки.

Со времени объявления человеческих прав (в Париже 4 августа 1789 г.) прошло уже более ста лет, но идея всеобщего равенства до сих пор не перестает затуманивать человеческие умы. Оставляя в стороне вопрос о желательности или нежелательности всеобщего равенства, следует признать, что осуществление его везде и во всем безусловно невозможно. Закон устанавливает неравенство даже перед уголовным судом. Представители привилегированных классов вообще подвергаются более строгим наказаниям; невежество преступника уменьшает наказание на несколько степеней. И против такого неравенства не восстают самые фанатические ревнители равенства. Между тем даже совершенно равные наказания оказываются несравненно суровейшими для образованных и достаточных людей, чем для бедняков. Ссылный крестьянин, например, почти не испытывает перемен в своей участи, между тем как образованному человеку ссылка приносит множество самых разнообразных и нравственных, и физических лишений. Равенство, кажется, противоречит самой природе вещей.

Священное Писание говорит, что его нет в духовном мире в настоящее время (I Петра 3, 22; Ефес. 1, 21 и др.) и что его не будет и после всеобщего воскресения на новой земле и на новом небе: «Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых» (I Кор. 15, 41, 42). Что касается до нашего земного мира, то Св. Писание, не высказываясь прямо с полной определенностью, дает много указаний в пользу того, что различные общественные классы и состояния должны существовать во всяком благоустроенном государстве.

Мы здесь не будем разбирать всех видов неравенства; мы рассмотрим только неравенство, вызываемое различием вероисповеданий и национальностей.

Для людей, обладающих цельным умом, просвещенным светом истинной веры, этот вопрос не представляет больших трудностей и не может иметь двух решений. Но у людей, отвергнувших истинную религию и осуетившихся в умствованиях своих, помрачается ум и извращается чувство (Римл. 1, 21–25, 28); они теряют даже естественный инстинкт самосохранения. Такие люди не понимают, что, защищая исключительные права всяких и иноверцев, они сами себе копают яму, подготавливая России разложение, а самим себе рабство. Так как подобных людей в нашей интеллигенции в настоящее время слишком много, то людям, сохранившим истинную веру, следует как можно яснее и тверже установить для себя руководящие принципы и неуклонно проводить их в жизнь.

Если невозможно и формальное, и действительное равенство даже перед законом уголовным, то тем более не должно быть равенства прав гражданских и политических.

Разве можно давать одинаковые права людям, для которых существование России составляет самую насущную органическую потребность, для которых оно дороже всего на свете, дороже жизни, — и одновременно людям, которые желают России гибели, потому что ее существование составляет преграду для осуществления их идеалов и самых заветных стремлений (немцы-колонисты и прибалтийские немцы, поляки, армяне)?

Нам думается, что на эти вопросы не может быть двух ответов.

Так как назначение России состоит в том, чтобы быть государством православным, осуществлять православные идеалы, то законы должны быть таковы, чтобы все, способствующее этому ее назначению, развивалось, крепло и возвеличивалось, а все противодействующее распадалось, слабело и умалялось. Развитию России в указанном направлении могут содействовать только православные; иноверцы, напротив, могут ему только противодействовать, и действительно противодействуют. Поэтому права православных и иноверцев в России не должны быть одинаковы.

Политические права русских граждан состоят в праве выборов и участия в городском, земском и сословном самоуправлении и в праве участия в суде в качестве присяжных заседателей и сословных представителей.

Законы должны быть таковы, чтобы везде, в городах, земствах и сословиях (главным образом дворянском) большинство гласных обязательно состояло из православных; например, чтобы православных гласных было не менее или $3/4$ или $4/5$ общего их числа **5**, хотя бы православные избиратели составляли меньшинство, как, например, в Вильне, Холме (Люблинской губернии), Риге, Юрьеве, Тифлисе, Баку, Бахчисарае. При этом, конечно, выбор православных гласных должны производить только православные избиратели, потому что, если право избрания их будет принадлежать и иноверцам, то, очевидно, в гласные будут попадать только лица, равнодушные к Православию, готовые жертвовать его интересами, как это и было недавно в русско-еврейских городах, когда избирателями могли быть евреи. Председателями городских, земских и сословных собраний, председателями и членами управ должны быть исключительно православные; также волостные старшины, судьи и прочие крестьянские власти. Точно так же в суде при разбирательстве каждого дела православных присяжных должно быть не менее девяти или десяти.

Идеал, конечно, состоит в том, чтобы иноверцы вовсе не имели влияния на управление и суд, но для начала хорошо было бы и то, чтобы православные везде имели безусловное преобладание.

Наше правительство в числе прочих мер для поднятия благосостояния православного населения нашло необходимым устранить евреев от участия в городских выборах. Вероятно, сходные, хотя и не вполне одинаковые ограничения будут постепенно распространены и на других иноверцев. Жители Западного края говорят, что евреи относятся к Православию вообще с меньшей враждебностью и с большей терпимостью, чем римские католики.

Св. апостол Павел запрещает христианам судиться у неверных и приказывает судиться у своих братьев (I Кор. 6, 1–6). Эти слова прямо указывают, что православное государство не должно ставить своих православных граждан в зависимость от иноверцев.

Соблюдение вышеуказанного принципа имеет особенное значение при предполагаемом введении земских учреждений в западных губерниях. Если правительство хочет ввести там земские учреждения для возбуждения самодеятельности и энергии населения, то государственные интересы требуют, чтобы самодеятельность и инициатива развивались только в православном населении, и чтобы, напротив, иноверцы по возможности оставались пассивными и недейтельными. Иноверцы представляют элемент, развитие которого не может быть желательно; напротив, в государственных интересах желательно его ослабление и уничтожение.

Вредны иноверцы и на государственной службе, но далеко вреднее на общественной. Государство имеет возможность заставить своих служащих исполнять неприятные им постановления; в былое время, например, капитан-исправники из мусульман едва ли не ревностнее своих православных товарищей заботились об обращении в Православие разных инородцев. Разумеется, и находясь на государственной службе, иноверцы могут задерживать неприятные им постановления, но там для противогосударственной деятельности существует много разных стеснений; а на общественной службе они почти с полной свободой могут следовать своим симпатиям, в особенности там, где они опираются на сочувствие большинства избирателей. Кроме того, порядочные и добросовестные люди из иноверцев, находящиеся на государственной службе, по чувству порядочности и по долгу присяги

могут действовать в интересах государства, которому служат; и, напротив, именно добросовестные иноверцы, находящиеся на общественной службе, должны действовать в интересах своих избирателей, интересы которых слишком часто бывают противоположны интересам государства. Напомним постановление Бахчисарайской думы о замене празднования воскресенья празднованием пятницы, отводе одной думой в западном крае места для православной иордани близ спуска нечистот, разные противогосударственные постановления прибалтийских дум и дворянских собраний и т.п.

Иноверцы везде должны быть поставлены в невозможность действовать во вред интересам государства и Православия и препятствовать России выполнять свое историческое назначение.

Помимо необходимости установить неравноправность православных и иноверцев ради государственных интересов, такая неравноправность должна быть уставлена в видах достижения действительного равенства.

По весьма понятной причине люди, более способные и настойчивые, а в особенности более ловкие и более неразборчивые в средствах, всегда одерживают верх над более совестливыми людьми и захватывают лучшие куски на жизненном пиру. Именно поэтому, ради достижения возможной справедливости, люди, более совестливые и вследствие этого более незащитные в житейской борьбе, должны пользоваться большими гражданскими и политическими правами.

Христиане в своих житейских отношениях вообще являются более совестливыми сравнительно с евреями, и поэтому последние одерживают верх над ними. В Англии только в нынешнем столетии евреи были уравнены в правах с христианами, и по одной из последних переписей оказалось, что на каждого еврея приходится вдвое больше имущества, чем на каждого христианина. Между тем англичане представляют самую энергичную и промышленную нацию в свете. В других западных государствах относительное материальное благосостояние евреев еще выше **6**.

Православные, в свою очередь, являются более совестливыми в сравнении с представителями других христианских вероисповеданий, — и результаты получаются те же самые. Указание на причину такого явления находим в словах Иисуса Христа: «Сыны века сего догадливее сынов света в своем роде» (Луки XVI, 8), то есть искуснее пользуются обстоятельствами для достижения земных выгод. Дрепер в своей истории умственного развития Европы верно определил разницу между восточным и западным христианством: восточное христианство обратило свое внимание преимущественно на небесное, западное — на земное. Вполне естественно, что евреи, наиболее привязанные к земным интересам, одерживают верх даже над западными христианами, потому что те все-таки не совсем оставили мысль о небесном, а эти последние — над православными, которые наиболее из всех людей стремятся к небесному.

В числе одного из свойств православных людей должно отметить их нелюбовь властвовать. Настоящие православные, то есть истинные сыны света, не исключая царей, видят во власти тяжелое бремя и не только не ищут ее, но часто стараются от нее уклониться (Владимир Мономах, внук его блаженный князь Ростислав Смоленский, блаженный князь Давид Муромский, Михаил Федорович). Не то сыны века — помимо удовлетворения самолюбия, они видят во власти средство для пользования благами мира и стремятся к ней всякими правдами и неправдами. Интересный пример этого находим в газете «Свет» (№ 291, 31 октября 1896 г.). Из 23 тысяч жителей Пскова немцев и онемечившихся латышей всего около двух тысяч. Между тем оказывается, что псковские немцы стараются занимать и занимают первенствующее положение; нередко и в городские головы выбираются немцы. В Одесской думе православных гласных вдвое менее, а гласных-иноверцев вдвое более, чем должно было бы быть соответственно относительной численности православного и иноверческого населения Одессы. В Тифлисе все городское управление захватили в свои руки армяне, хотя они составляют менее половины тифлисского населения (именно 3/8).

Мы не думаем, чтобы было желательно возбудить в православных такое же стремление к власти, какое существует в иноверцах, а также сделать православных менее разборчивыми в средствах. Следовательно — только для достижения действительного равенства должно было бы быть

установлено законом неравенство политических и гражданских прав православных и неправославных граждан России. Но такая неравноправность должна быть установлена не для достижения только равенства, а именно для достижения неравенства в пользу православных.

Если русские православные люди создали сильное государство, то они имеют нравственное право установить у себя законы, дающие им решительное преобладание над иноверцами без совершенно излишней борьбы, в которой нельзя обходиться без употребления безнравственных средств. Силы и энергия, которые должно теперь тратить на такую борьбу, могут быть с большей пользой употреблены на решение разных общественных и государственных вопросов.

Далее следует иметь в виду, что всякие сыны века вообще более расположены поступать несправедливо, чем сыны света. Поэтому они часто нарушают справедливость по отношению к православным в пользу своих единоверцев, между тем как православные относятся обыкновенно справедливо ко всем. Автору этой статьи приходилось слышать, что присяжные католики (в западных губерниях) вообще стараются осудить православных, имевших несчастье попасть на скамью подсудимых. В Риге в настоящее время на пятьдесят тысяч русского населения выбран только один русский гласный (Московские ведомости. 1896. № 336). В Камышинском уезде Саратовской губернии, в котором немцы захватили земство в свои руки, все хозяйство уезда было направлено на пользу немецких колонистов. «У них помещались врачи и врачебные пункты, колониям отпускались наибольшие пособия на школьное дело и иные нужды; наконец, благодаря своеобразной оценке земель, произведенной этим немецким земством и измененной лишь в 1886г., благодаря энергической деятельности местного предводителя дворянства, П.П. Полякова, русские крестьяне в течение почти двадцати лет платили вчетверо больше со своих нищенских наделов, чем немцы со своих тридцати десятин на двор» (Русский вестник. 1893. IV, 178).

Сверх того, нужно иметь в виду еще одну черту почти всех иноверцев, много раз отмеченную в печати: они оказывают покровительство и протекцию только своим. Чиновник немец-протестант тянет за собой немцев-протестантов, католик — католиков, армянин — армян и т.п.; точно так же у фабрикантов и помещиков немцев все служащие исключительно немцы, у католиков — католики, у евреев — евреи и т.д. За такой образ действий их не только нельзя осуждать, но, напротив, должно ставить в образец православным. Священное Писание предписывает именно такой образ действий, то есть преимущественное покровительство своим единоверцам и соплеменникам:

«От единокровного твоего не укрывайся» (Исаии V, 7).

«Будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (Гал. VI, 10).

«Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (I Тим. V, 8).

Но именно поэтому иноверцам и не должно давать таких мест, где бы они могли оказывать влияние на назначение других лиц. Православная страна должна существовать для православных. Давая места иноверцам, мы этим самым оставляем без мест такое же количество православных. А сам Иисус Христос сказал: «не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (Матф. XV, 26). Таким образом мы видим, что и государственные пользы, и христианская религия требуют, чтобы православные имели больше прав, чем иноверцы. Неравенство прав существовало в очень многих государствах, и это нисколько не мешало развитию их могущества. Наибольшее различие прав было в древнем Риме, именно в эпоху наибольшего его могущества. Точно так же и Англия достигла наибольших успехов именно в то время, когда католики были лишены многих политических прав (тест-акт лишал их права занимать всякие государственные должности). Различные штаты Северной Америки, послужившие основанием великой республики, достигли своего процветания при существовании, полной нетерпимости к иноверцам.

Так как не все иноверцы одинаково вредны для развития России на православных началах, а от некоторых можно ожидать пользы в будущем, то, сообразно их теперешней вредности и ожидаемой

впоследствии пользы, они могут иметь различные права. Наибольшим количеством прав из иноверцев могут пользоваться представители родственных славянских национальностей, так как они сравнительно скоро принимают Православие и не могут не желать благоденствия и могущества славянской России (кроме, к сожалению, поляков). Наименьшим количеством прав должны пользоваться евреи ввиду их безусловной и, кажется, неисправимой вредности для экономической и нравственной жизни всего остального населения.

В правах православных различных национальностей не должно быть различия— все должны быть полноправными гражданами, потому что Православие составляет главное основание могущества России. Православие должно сглаживать все национальные распри. Перед законами православного государства не должно быть ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа. Все православные должны сознавать себя братьями и чувствовать, что в России они находятся у себя дома. Если теперь некоторые православные народности, как например грузины, чувствуют себя несколько обиженными и не совсем дружелюбно относятся к русским, то это, во-первых, потому, что среди грузинской интеллигенции едва ли не более неверующих людей, чем среди русских, — в чем виноваты, конечно, сами русские, а во-вторых, потому, что их ставят на одну доску с разными иноверцами, отдавая даже предпочтение этим последним (немцам, полякам, армянам).

Даже такой либерал, как Грановский, главной причиной долговечности Византийской империи считает связь, созданную православной религией. «Православные подданные православного императора сознавали себя братьями не по происхождению, а по вере. В этом сознании и в нравственной энергии, которую оно сообщало против иноверцев, заключается тайна продолжительного существования Византии при самых неблагоприятных внешних и внутренних условиях. Прибавим к этому образованность, которая служила большей частью для достижения внешних целей и была могущественным рычагом в руках умного правительства, имевшего дело с полудиким врагом» (Сочинения. II, 112).

Вторая причина для нас не имеет значения, потому что главными врагами России являются народы, не только не уступающие, но даже превосходящие нас образованностью; поэтому тем больше нужно дорожить связью, создаваемой общностью православной религии. В России должно быть выгодно быть православным.

А чтобы обеспечить везде соблюдение государственных интересов, чтобы они не приносились в жертву интересам местным, и вообще для достижения более справедливого образа действий со стороны чиновников, можно установить общим законом для всей империи, чтобы, например, повсюду из местных уроженцев мелких чиновников было не более половины, средних не более трети общего числа, а крупных не было вовсе.

IV Меры относительно иностранных переселенцев

Доказав ошибочность мнения, что все подданные одного и того же государства должны иметь одинаковые права, мы без труда решим, как должно поступать с немецкими колонистами, уже поселившимися в России и принявшими русское подданство.

Как мы уже указали выше, они разрушают вековые верования русского народа, служащие главным основанием силы и крепости России. По выражению Библии, они сделались для православных «петлею и сетью, бичом для ребер и терном для глаз» (Нав. 23, 13; Суд. 2, 3), то есть тем же, чем были для древних израильтян хананеи, оставленные ими в своей земле вопреки Божьему повелению. Следовательно, немецкие пришельцы могут быть приравнены к хананеям, а для прекращения дальнейшего соблазна русского православного народа, согласно Божию повелению, их должно было бы изгнать из Русской земли. «Прогоните от себя всех жителей земли (хананеев). Не должны они жить в земле твоей, чтобы они не ввели тебя в грех против Меня, ибо если ты будешь служить богам их, то это будет тебе сетью» (Числ. 33, 52, 55, 56; Исх. 23, 31–33).

Но в Библии находим указание, что мы не имеем нравственного права прямо изгнать немецких колонистов. Наше правительство в конце прошлого и начале нынешнего столетия само приглашало их в Россию, а с 7 июня 1860 г. **7)** само открыло свободный доступ в Россию всем иноверцам, следовательно, как бы заключило с ними договор о праве их жить в России. В этом наше правительство поступило сходно с Иисусом Навином и другими израильскими начальниками, заключившими договор с Гаваоном и тремя другими хананейскими городами. Перед заключением договора должно вопрошать Господа (Нав. 9, 14), а заключенные договоры должно исполнять (II Цар. 21, 1; Иез. 17, 13–16; Псал. 14, 4).

Из затруднения нас выводит то обстоятельство, что немцы сами не исполняли и не исполняют договора, то есть своих обязанностей относительно нового отечества.

1) Они не заботятся о благосостоянии России (Иер. 29, 7), не научают коренных жителей более высокой культуре земли и более совершенному хозяйству, хотя были призваны именно с этой целью.

2) Не только не работают на пользу коренному населению, которому обязаны своим благосостоянием (I Пар. 29, 12, 14–16), но всячески притесняют и разоряют его.

3) Нарушают основные законы страны, запрещающие совращение из Православия, и всячески уклоняются от исполнения всех других законов, которые для них не выгодны, например, от обучения на русском языке, от воинской повинности и др. Между тем в статье 122 Устава о колониях иностранцев прямо сказано: «Под страхом всей строгости законов запрещается колонистам склонять и привлекать в согласие своей веры или сообщества кого-либо из живущих в России и исповедующих православный или вообще другой христианский закон».

Такое поведение немцев дает нам, то есть нашему правительству, право поступить с немецкими пришельцами так, как Иисус Навин поступил с гаваонитянами — поставить их в приниженное положение сравнительно с православными жителями: наложить на них больше повинностей, чем на православных, увеличив, например, поземельный налог и установив подушный, обязав исполнять какие-нибудь общественные работы, например, чинить дороги и т.п. (Нав. 9, 21–23, 27; II Пар. 2, 17, 18); лишить права участвовать в земском самоуправлении и права занимать всякие общественные и крестьянские должности. Само собой разумеется, что всякие изъятия из общих законов в их пользу должны быть безусловно отменены.

Такие меры прежде всего способствовали бы уменьшению соблазна среди православных, так как многих соблазняло привилегированное положение и происходящее от него большее благосостояние пришельцев. А кроме того, они побудили бы немцев к обращению в Православие, что должно быть самым желательным результатом всех воздействий на немцев. Как показывает история, разные понудительные меры и в особенности увеличение податей не раз оказывали весьма действительное влияние на перемену религии. При этом следует заметить, что жестокие меры обыкновенно вызывают более или менее энергичное сопротивление и даже восстания, а наиболее действенными оказываются меры более мелкие, но зато последовательные и продолжительные. *Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo.* (Капля долбит камень (лат.). — Ред.) Завоевая христианские страны, мусульмане позволяли христианам сохранять свою религию под условием уплаты некоторой подати с каждого христианина. Через пятьдесят лет после завоевания Северной Африки (от Египта до Атлантического океана) африканский наместник доносил калифу, что уплата дани неверующими прекратилась вследствие обращения их в могометанство (Гиббон. VI, 114).

Здесь нам приходится коснуться еще одного человеческого заблуждения, будто христианская религия не допускает никакого насилия в делах веры.

Мы не будем теперь разбирать этого вопроса подробно, а ограничимся приведением двух очень авторитетных лиц в делах религии — недавно умершего протестантского богослова и знаменитого учителя древних веков.

«Свобода религии, — говорит первый, — требуется самим христианством, когда оно провозглашает право личности, свободное самоопределение в делах совести и спасения. Но она, во всяком случае, может быть предоставляема только в такой степени, насколько она составляет действительную потребность, и должна именно находить свое выражение в законах касательно отщепенцев, согласно с действительными обстоятельствами. Безграничная, совершенно неорганизованная свобода религии, которая, так сказать, приглашает всевозможные секты поселяться в стране и устраиваться по желанно, является скорее свидетельством религиозного индифферентизма, чем истинной веротерпимости» (Мартенсен. Христианское учение о нравственности. II, 535).

Вот затем более решительные слова блаженного Августина: «Щадящие нас — не друзья нам, и не все поражающие нас — враги наши. Сказано, что раны, нанесенные другом, лучше поцелуев врага (Притчи 27, 6). Связывающий бешеного, расталкивающий летаргичного беспокоит обоих, но он их любит. Кто может любить нас более Господа? Между тем Он не перестает примешивать к сладости наставлений страх угроз. Вы думаете, что никого не следует принуждать к правде, однако вы читаете у св. Луки (14, 23), что господин сказал своим слугам: принудьте **8** войти всех, кого найдете. Разве вы не знаете, что иногда разбойник разбрасывает траву, чтобы выманить стадо из овчарни, а пастух кнутом возвращает заблудших овец? Если бы претерпевшие гонение за одно это были достойны похвалы, то достаточно было бы Господу сказать: Блажени изгнани, — Он не прибавил бы: правды ради. Может же случиться, что претерпевающий гонение зол, а причиняющей его — наоборот. Убивающий и врачующий оба режут тело, но один изгоняет жизнь, а другой гнилость. Не надо обращать внимание на то, что человек принужден делать известное дело, а нужно смотреть, каково это дело, хорошо или худо. Конечно, никто не может сделаться добрым по неволе, но боязнь прекращает упорство и, принуждая изучать истину, приводит к нахождению ее. Когда светские власти преследуют истину, ужас, который они наводят, для сильных — славное испытание, для слабых — опасный соблазн. Но когда наводят ужас в интересах истины, то это полезное предупреждение для ошибающихся и заблуждающихся». Блаженный Августин пришел к таким заключениям тогда, когда увидел, что мерами строгости достигается большой успех. «Гордые донатисты, непоколебимые в прениях, упрямо изворачивавшиеся в них, из страха перед законом, массами переходили в церковь; а перейдя, оставались там. Среди новообращенных было много таких, которые не только не жаловались, но даже благодарили тех, кто избавил их от заблуждений, и поздравляли себя с перенесенным насилием, как с величайшим благом» (Гастон Буасье. Падение язычества, 48–51).

Если мы не уверены в том, что действительно знаем истину, то, конечно, мы не имеем нравственного права употреблять принудительные меры, а должны относиться совершенно безразлично ко всяким верованиям. Должно, однако, заметить, что на всем протяжении истории мы ни-где не встречаем человеческого общества, относившегося с полным безразличием ко всем вероисповеданиям. Во Франции, например, в настоящее время преследуется католицизм и вообще христианские верования. Очевидно, индифферентизм противоречит человеческой природе.

Что касается до нас, православных, то мы можем быть вполне убеждены, что обладаем безусловной истиной, а потому можем и должны принимать некоторые понудительные меры для обращения иноверцев в истинную веру.

Каковы должны быть понудительные меры, это зависит от обстоятельств. В данном случае мы полагаем, что будет достаточно вышеуказанных нами мер, так как протестантизм в настоящее время находится в периоде разложения и вообще представляет собой переход к неверию **9**, как показывают все учащающиеся в Германии и Англии заявления протестантских пасторов о том, что они считают Иисуса Христа за простого человека. Мы не думаем, чтобы немецкие колонисты стали упорствовать в верности такой разлагающейся религии.

Блаженный Августин, безусловно не допуская смертной казни, соглашался на применение к еретикам довольно суровых наказаний: денежной пени, конфискации имущества и в некоторых случаях изгнания (Буасье, там же). Дальнейшее развитие идеи блаженного Августина привело к ужасам инквизиции. Казнили еретиков и у нас, основываясь на примере «шпанского» короля. Чтобы не перейти должных границ в средствах понуждения к принятию истинной веры, наше правительство всегда имеет

возможность узнать мнение Вселенской церкви — созвать Вселенский Собор, необходимость которого для решения разных церковных вопросов все более и более сознается православными людьми.

Помимо внешнего воздействия, должно одновременно учредить среди немецких колоний достаточное количество православных миссий. Это прямо предписывается Св. Писанием: «В праздник кущей читай сей закон пред всем Израилем вслух его; собери народ, мужей и жен, и детей, и пришельцев твоих, которые будут в жилищах твоих, чтоб они слушали и учились, и чтобы боялись Господа Бога вашего и старались исполнять все слова закона сего» (Втор. 31, 10–12; Нав. 8, 33–35).

Бог «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (I Тим. 2, 4). Если русские не будут стараться обратить иноверцев в Православие, то Бог взыщет с них за это (Иез. 3, 17–19; 33, 1–9).

Как показывает опыт, успех будет достигнут при ведении проповеди и богослужения на родном, то есть в данном случае на немецком языке. Это, впрочем, прямо повелевается Библией (I Кор. 14 глава).

Колонистам следует разьяснять, и они сами должны иметь возможность убедиться, что все меры для их обращения в Православие принимаются не по произволу, а согласно Божиим повелениям, и что об их обращении в Православие заботятся, между прочим, в их собственных интересах: «Так говорит Господь обо всех злых моих соседях, нападающих на удел, который Я дал в наследие народу Моему, Израилю... Если они научатся путям народа Моего, чтобы клясться именем Моим “жив Господь”, как они научили народ Мой клясться Ваалом, — то водворятся среди народа Моего. Если же не послушаются, то Я искореню и совершенно истреблю такой народ, говорит Господь» (Иер. 12, 14–17).

Ни одно слово Господне, исшедшее из уст Его, не возвращается к Нему тщетным, — не возвратится тщетным и это слово.

-----
1) Велицын. Статьи в «Русском вестнике». Иностранная колонизация в России, 1889. I, II, III и VI; Немецкое завоевание на юге России, 1890. I и II; Духовная жизнь немецких колоний, того же года III, V и IX книжки; Немцы на Волге, 1893. IV. Все эти статьи были изданы отдельной книгой «Немцы в России».

Липранди. Мирное завоевание наших окраин, отдельная брошюра; Германия в России. «Наблюдатель» 1895. IX и X; Земельные захваты немцев и экономическое порабощение русского народа, там же книжка XII; Немцы и Штунда, «Русское обозрение» 1895. X.

Тихонов. Письма о переселенцах, «Русский вестник» 1896. X и XI.

2) Смотр. нашу статью: «Что есть истина?» «Странник» 1896. V и VI–VII кн.

3) Обрядовые постановления Ветхого Завета отменены христианской церковью или заменены другими.

4) Наблюдатель. 1895. IX, 65.

5) Сверх того, отношение числа православных гласных к общему числу их не должно быть меньше отношения числа всех православных жителей данного города или уезда к общему количеству населения.

6) Желаящим обстоятельно ознакомиться с пагубными результатами еврейской равноправности можем указать на статьи г. Липранди в I, IV, IX и XI книжках «Наблюдателя» за 1896 г.

7) Указом этого дня иностранцам были предоставлены по торговле, земледелию и промышленности, за немногими исключениями, такие же права, как и русским подданным.

8) В славянском стоит: убеди; так же это слово переведено и на русский язык, вероятно, ради согласия со славянским переводом. Но в греческом подлиннике стоит ???????? — слово, означающее

обыкновенно: принудь, заставь. В латинском переводе стоит *coge*, во французском *presse*, в немецком *nothige* — все слова, заключающие в себе понятие принуждения.

9) По словам известного философа Гартмана, «протестантизм есть не что иное, как переходная ступень от подлинного христианства к современным культурным идеям, которые в важнейших пунктах диаметрально противоположны идеям христианства, и потому, со дня своего рождения и до самой смерти, он есть явление самопротиворечивое, так как на всех ступенях своего развития представляет соединение противоположностей, не соединяемых по самому своему существу». (*Selbstzersetzung des Christentums und die Religion der Zukunft*. S. 15).

Сапожников Александр Аполлонович, публицист, христианский апологет. В к. XIX — н. XX в. был преподавателем математики в кутаисской гимназии. Далее в 1910-х служил председателем Земской Холмской управы в Псковской губ., статский советник. Издавал журнал.

В своей историографии проводил идею о том, что некоторые библейские пророчества, как то пророчества Ноя, Даниила, апостола Павла и др. относятся к историческим судьбам всего человечества и могут быть применяемы к объяснению путей всемирной истории. «Пророчества, относящиеся к древним евреям, могут быть применяемы, гл. обр., к христианским народам, являющимся в настоящее время истинными детьми Авраама, т. к. в Библии вообще духовному родству отдается предпочтение перед кровным. В частности, пророчества, относившиеся к иудейскому царству, могут быть применяемы преимущественно к русским и к др. православным народам, исповедующим вполне истинную религию; а пророчества, относившиеся к израильскому царству, — к прочим христианским народам, у которых истинная религия затемнена поклонением разным вефильским тельцам» («Историческое назначение России»).

Сочинения:

Христианство и наука. СПб., 1895; Что есть истина? СПб., 1896; Иноверцы и иноземцы в России. (Их права и отношения к коренным жителям). СПб., 1898; О преобразовании календаря. СПб., 1899; О царской власти с Библейской точки зрения. СПб., 1899; Историческое назначение России. СПб., 1900; Судьба Китая. СПб., 1901; О желательной постановке Закона Божия в среднеучебных заведениях. СПб., 1903; Научное доказательство истинности христианства. Холм, 1911.